

Ася Тихая

Когда мы перестали говорить

Ася Тихая

Когда мы перестали говорить

«Автор»

2026

Тихая А.

Когда мы перестали говорить / А. Тихая — «Автор», 2026

«Между Лизой и Артёмом — не только чувства, но и стены из правил, чужих мнений и страха ошибиться. Их миры живут по разным уставам: в одном важны строгие границы, в другом — живая доброта без пафоса. Но однажды простое дело — помочь одной семье — становится для них общим шагом навстречу друг другу. Через коробки с вещами, чашки кофе, тихие признания и непростые разговоры Лиза и Артём учатся быть рядом, не предавая ни себя, ни свои ценности. Им предстоит выдержать шёпот общины, испытания чужими ожиданиями и собственную усталость — и понять, что настоящая вера рождается не в безупречных поступках, а в готовности просто быть опорой, когда другому тяжело. Это история о том, как любовь и доброта находят путь даже там, где, казалось бы, всё расписано по правилам — и как из маленьких, честных дел складывается что-то по-настоящему важное».

© Тихая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Не та чашка	5
Глава 2 Разные двери	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ася Тихая

Когда мы перестали говорить

Глава 1 Не та чашка

Вечер в её квартире был слишком тихим. Не той уютной тишиной, когда оба молчат, потому что им хорошо просто быть рядом, а тяжёлой, будто воздух стал густым и не пускает слова.

Лиза стояла у раковины и третий раз подряд мыла одну и ту же чашку. Не потому что она была грязной — просто руки должны были что-то делать, иначе бы она начала кричать. Или плакать. А плакать она себе запретила: слёзы сейчас показались бы ей капитуляцией, будто она сдаётся перед этой несправедливостью.

В коридоре скрипнула половица. Лиза не обернулась. Она и так знала, кто там.

Артём стоял, не снимая куртки. Он всегда так делал, когда чувствовал, что его не ждут с распростёртыми объятиями: будто если не снимет куртку, то сможет уйти быстрее, если станет совсем невыносимо.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так, — сказал он тихо, будто извинялся не за саму поездку, а за то, что правда вылезла наружу. — Ребята просто собрались, отец Михаил благословил, и... я не мог отказаться.

Лиза наконец поставила чашку на сушилку. Та звякнула, и этот звук в тишине прозвучал как пощёчина.

— Ты мог не ехать, — её голос был ровным, пугающе ровным. — Ты мог сказать: «Я не поеду без неё».

— Это не просто поездка, — он будто защищался, но сам слышал, как слабо это звучит. — Это послушание. Если я скажу «нет» сейчас, это будет выглядеть как... как будто я ставлю тебя выше.

Она резко повернулась. В её глазах было столько боли, что Артём невольно отступил на полшага.

— А я для тебя кто? Часть послушания? Или ты просто не хочешь, чтобы меня там видели?

Он не ответил. Не потому что не хотел, а потому что сам не знал, какой из этих страхов был правдивее. И эта пауза, эта неспособность вытолкнуть из себя хоть одно честное слово, ранила сильнее любой грубости.

— «Прости», — повторил он, будто это слово могло склеить то, что рассыпалось.

Лиза горько усмехнулась.

— «Прости» не объясняет, почему я опять осталась дома. Почему ты берёшь с собой всех: и Сергея, и отца Михаила, и даже этого новенького, который ничего не понимает, а меня — нет.

— Потому что до свадьбы... — начал он, и тут же понял, что это звучит как заученная фраза, как щит, за которым прячутся настоящие причины.

— Да, да, я знаю, — перебила она, уже не сдерживая дрожь в голосе. — До свадьбы нельзя. Ни ездить вместе, ни сидеть рядом, ни держаться за руки. Но знаешь, что хуже всего? Что ты даже не злишься на эти правила. Ты их принимаешь. Как будто они про святость, а не про то, чтобы держать меня на расстоянии.

Артём сжал кулаки в карманах куртки. В голове крутилось: «Она не понимает. Это не про дистанцию, это про дисциплину. Про то, чтобы не сорваться, не сделать шаг, который всё испортит». Но он не мог облечь это в слова, потому что тогда пришлось бы признаться и

в другом: что рядом с ней ему действительно трудно держать эту дисциплину, и от этого он одновременно и боится, и злится на себя.

— Я стараюсь всё делать правильно, — наконец выдавил он. — Чтобы потом, когда придёт время... чтобы не было стыдно ни перед Богом, ни перед тобой.

Лиза смотрела на него и видела не оправдания, а стену. Высокую, аккуратную, сложенную из благих намерений, но от этого не менее непробиваемую.

— Знаешь, что самое страшное? — прошептала она, и теперь в её голосе не было злости, только усталость. — Я уже не злюсь на тебя. Я злюсь на себя. За то, что каждый раз, когда ты уезжаешь, я стою вот так, мою одну чашку и уговариваю себя: «Он хороший, он старается». А потом сижу и думаю: а вдруг я правда не подхожу? Вдруг я — это то самое искушение, от которого ты должен держаться подальше?

— Не говори так, — почти выдохнул он.

— Почему? Это ведь то, что ты делаешь. Держись подальше.

Пауза повисла между ними, густая и горькая, как остывший кофе. Лиза хотела, чтобы он сейчас подошёл, обнял её, даже просто взял за руку и сказал: «Ты не искушение. Ты — моё самое большое желание делать всё правильно». Но он стоял в коридоре, в куртке, с виноватым лицом, и не двигался.

И тогда она поняла: они перестали говорить не сегодня. Это случилось раньше — в тот день, когда вместо «я боюсь быть с тобой наедине» он сказал «так нельзя», и она вместо «мне от этого больно» ответила «хорошо, я всё понимаю».

— Иди, — сказала она уже спокойнее, почти без эмоций. — Наверное, тебе ещё надо что-то подготовить к отъезду.

— Лиз...

— Всё нормально, — она снова отвернулась к раковине, хотя мыть там было уже нечего. — Правда. Просто... в следующий раз не позволяй узнавать из чужих разговоров. Ладно?

Он постоял ещё минуту, будто хотел добавить что-то важное, но не нашёл слов. Потом тихо закрыл за собой входную дверь. Щелчок замка прозвучал в пустой квартире оглушительно громко.

Лиза осталась стоять у раковины. Чашка была чистой. Кухня — аккуратной. А внутри всё дрожало. Она достала из кармана фартука маленький блокнот, который всегда держала под рукой, и написала на чистом листе:

«Сегодня я снова не сказала главного. А он снова не услышал того, что я не сказала».

Потом закрыла блокнот и спрятала его обратно.

Тишина вернулась. Только теперь она была не просто тишиной — она была свидетельницей того, как они перестали говорить.

Глава 2 Разные двери

Утро выдалось серым и липким, будто город не хотел просыпаться. Лиза шла к своему храму, кутаясь в шарф, и чувствовала, как внутри всё по-прежнему натянуто, как струна. Вчерашняя сцена с Артёмом не отпускала: слова крутились в голове, пережёвывались, обрастали новыми обидами и тут же рассыпались от собственной горечи.

Она специально вышла пораньше, чтобы не думать о том, где сейчас Артём. Но мысли всё равно тянулись туда: наверное, он уже в дороге, сидит рядом с отцом Михаилом, отвечает на вопросы, кивает, старается выглядеть собранным. Старается быть правильным.

Храм Лизы стоял на тихой улице, чуть в стороне от шумного проспекта. Здесь всё было иначе, чем в храме Артёма: не так строго, не так громко. После службы тут часто собирались на чаепитие в маленькой трапезной, говорили не только о вере, но и о жизни — о работе, о ссорах с родными, о том, как тяжело бывает просто вставать по утрам. Для Лизы это было важно: ей хотелось, чтобы вера не отделяла её от обычной жизни, а помогала её прожить.

Сегодня она пришла одной из первых. В притворе пахло воском и старым деревом, и этот запах привычно успокаивал. Лиза зажгла свечу, постояла немного, пытаясь собрать мысли. Но вместо молитвы в голове снова всплывали вчерашние фразы: «Ты мог сказать: „Я не поеду без неё“». И следом — горькое: «А вдруг я правда — искушение?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.